

Он спросил, что я читаю. Я ответил: «Произведения Аристотеля по-русски». Он искренне удивился: «А что, он у вас переведен?»

Философия в Америке развивалась в русле англо-американской традиции, представляющей из себя ортодоксию эмпирического и логико-математического анализа. Европейская континентальная мысль еще находила себе нишу в отдельных американских университетах, но их были считанные единицы. А незападную философскую мысль – еврейскую, индусскую, китайскую, и т.д. – как правило, изучали на кафедрах литературоведения, истории религии или соответствующего культурного региона. Поэтому специалистов по русской мысли нужно было искать среди славистов, и я решил попытаться счастья на общенациональной конференции славистики.

Впервые я встретился и разговорился с Джорджем Кляйном, как и полагается в приличных американских боевиках, в мужском туалете. Я мыл руки, когда он стремительно вошел в «комнату отдыха», огляделся и, обратившись ко мне (больше в туалете никого не было) громко и с едва заметным американским акцентом воскликнул по-русски: «Как говаривал старик Державин, мне нужен нужник!» Я рассмеялся, что-то ответил, и у нас завязалась беседа.

Георгий Людвигович, как представился мне Кляйн, оказался не просто специалистом по русской мысли, не просто корифеем-переводчиком философских и литературных текстов, но настоящим человеком-легендой. Он был лично знаком с философами и богословами первой волны эмиграции – Василием Зеньковским, Георгием Флоровским и Николаем Лосским. Он лично знал и общался с последним классическим русским мыслителем – Алексеем Федоровичем Лосевым. Кляйн рассказывал мне, что когда он встретился с Лосевым, тот спросил его: «Как Вы меня откопали?» «Я прочел о Вас в *Истории русской философии* Зеньковского», – ответил Георгий Людвигович. Тогда Лосев поднял бокал и произнес тост на латыни. «В этот момент, – вспоминал Кляйн, – я почувствовал себя как немытый варвар».

Начинал Кляйн свою карьеру философа-слависта, можно сказать, на пустом месте. По его же свидетельству, в конце сороковых годов прошлого века изучения русской философии как дисциплины в США не существовало^{***}. Был некто Джон Сомервил, который читал курсы по послереволюционной русской мысли в Колумбийском университете. Он владел русским языком, бывал

^{***} *Сергеев М.* О преподавании русской философии в Америке: интервью с профессором Джорджем Кляйном // Вопросы философии. 2003. № 9.

в СССР и занимался изучением советской философии, но Кляйн уважения к нему не питал, поскольку работы Сомервила казались ему однобоко-пропагандистскими, рекламирующими советский строй и образ жизни.

Сам Георгий Людвигович написал свой магистерский тезис по этическим взглядам Льва Толстого, а в 1949 г. защитил докторскую (PhD) диссертацию «Спиноза в советской философии» на философском факультете Колумбийского университета. В следующие полстолетия (!) он преподавал курсы по истории русской философии в различных американских университетах. В девяностые годы, когда Кляйн уже вышел на пенсию, он по-прежнему читал один курс в Брин Мар Колледже в пригороде Филадельфии. В то время я и смог посетить его лекции по русской философии в качестве аспиранта-вольнослушателя. Студентов записывалось к нему немного, поскольку предмет был не обязательный, а факультативный. Я помню, что в аудитории сидело человек восемь-десять, включая меня и еще одного преподавателя.

Георгий Людвигович читал лекции по истории русской философии, начиная со Сковороды и заканчивая Бердяевым. Лекции были обстоятельные и интересные, но меня поразило в этом обзорном курсе отсутствие большинства крупных мыслителей XX в., таких, к примеру, как Лосев и Карсавин. Видимо, не хватало квалифицированных переводов на английский, и аудиторию эти очень специфические фигуры не собирали. Важнее же всего для меня в том курсе была общефилософская и общекультурная перспектива, с которой Кляйн рассматривал русских философов. Она разительно отличалась от советских мировоззренческих установок, которые я, вольно или невольно, впитал с юности. В этом смысле лекции Кляйна были для меня особенно необходимы и полезны.

Обращал я внимание и на то, **как** читает лекции Кляйн — на его манеру и стиль преподавания. Американские университеты, в отличие от европейских, вели свое происхождение не от монастырей, и атмосфера в них была значительно более раскованной. Студенты держались непринужденно, ходили в шортах, ели бутерброды во время занятий и не стеснялись перебивать лектора и задавать вопросы. Георгий Людвигович держался всегда корректно и с терпимостью относился к беззаботной и беспокойной молодежи. Но однажды произошел случай, который бросил вызов даже его, казалось бы, безграничному либерализму.

Летний семинар, который вел Кляйн, проходил в маленькой аудитории, где все сидели вокруг одного большого стола. Где-то

посередине лекции, сидевшая рядом с Кляйном молодая девица высунула свою босую ногу, закинула ее на стол в полуметре от преподавателя и, не прекращая делать записи в блокноте, стала чесать пяtku. Я онемел от ужаса и напряженно ждал, что же предпримет Кляйн. К моему изумлению, Георгий Людвигович даже бровью не повел и продолжал как ни в чем не бывало вести занятие.

Я решил не обсуждать с ним этот инцидент, но до сих пор не уверен, как бы я поступил на его месте. Конечно, Георгий Людвигович проявил безукоризненный такт и воспитанность, но все-таки бывают случаи, когда студенту нужно сделать замечание — если не во всеуслышание, то хотя бы после лекции, наедине, чтобы не ущемлять самолюбия. Вполне возможно, что Кляйн так и поступил, поскольку ничего подобного на его занятиях я более не наблюдал.

Как я уже говорил, Георгий Людвигович был на пенсии, когда я обратился к нему с просьбой стать руководителем моей диссертации. Уговаривать его мне пришлось несколько лет. Кляйн отказывался, ссылаясь на почтенный возраст и сильную загруженность. Он действительно активно сотрудничал с журналами, вел обширную переписку, консультировал аспирантов и уже состоявшихся специалистов по русской мысли и литературе. Однако после наших совместных выступлений на конференциях у нас завязалась дружба, и он в конце концов согласился.

В результате нашей трехлетней работы над моим диссертационным проектом я смог в полной мере оценить Георгия Людвиговича не только как великолепного ученого и переводчика, но и блестящего наставника и педагога. Кляйн кропотливо и вдумчиво читал каждую главу моей диссертации и с въедливой немецкой дотошностью (предки Кляйна были выходцами из Германии) правил каждую концептуальную и текстовую погрешность, каждую мелочь, каждую запятую. Он сверял мои переводы Соловьева, Булгакова, Лосского, Бердяева с русскими оригиналами и нещадно критиковал их, требуя исправлений до тех пор, пока ссылки не приобретали достойный, с его точки зрения, вид.

Будучи прекрасным знатоком не только русской, но и классической немецкой философии (Георгий Людвигович был одно время президентом Гегелевского общества США), он набил мне руку на английской философской терминологии, терпеливо объясняя в своих многочисленных посланиях как правильно переводить русские и немецкие специальные термины в контексте англо-американской традиции. Мне кажется, что во время нашей совместной работы я получал от него эти письма как минимум

раз в неделю! В итоге Кляйн буквально «вылизал» триста страниц моего текста и, благодаря его скрупулезной правке защита моей диссертации прошла без сучка и задоринки. По всей видимости, сам Кляйн был тоже удовлетворен результатами нашего труда и по прошествии многих лет, с моего разрешения, передал свои письма ко мне, касающиеся моего диссертационного проекта, в один из московских архивов.

Однажды, уже после того, как я закончил аспирантуру и начал преподавать в Университете искусств в Филадельфии, мы пригласили Георгия Людвиговича к нам домой на вечеринку. Собрались наши друзья, в основном русские эмигранты — поэты, художники, литературоведы. Георгий Людвигович принес с собой напечатанный текст стихотворения Иосифа Бродского «Бабочка» и свой перевод, опубликованный в элитарном журнале *Нью Йоркер*.

Кляйн познакомился и подружился с будущим лауреатом Нобелевской премии, когда тот только эмигрировал в США. Георгий Людвигович помогал Бродскому в начале его американской карьеры, переводил его стихи на английский, и даже выступал вместе с ним со сцены. Бродский читал стихи на русском, а Кляйн — свои переводы на английский. Георгий Людвигович рассказывал мне, что именно так было с «Бабочкой», и что Бродский очень хвалил его перевод.

Перед тем как прочесть его нам, Кляйн раздал приготовленный заранее русский оригинал стихотворения: в два столбца на английском и русском:

«Сказать, что ты мертва?
 Но ты жила лишь сутки.
 Как много грусти в шутке
 Творца! Едва:
 Могу произнести
 «Жила» — единство даты
 Рожденья и когда ты
 В моей горсти
 Рассыпалась, меня
 Смущает вычесть
 Одно из двух количеств
 В пределах дня».

Георгий Людвигович начал свое чтение:

Should I say that you're dead
 You touched so brief a fragment
 Of time. There's much that's sad in
 The joke God played.

I scarcely comprehend
The words “you’ve lived”; the date of
Your birth and when you faded
In my cupped hand
Are one, and not two dated.
Thus calculated,
Your term is, simply stated,
Less than a day.

И тут я впервые увидел, как Кляйн волнуется. Руки его слегка дрожали, голос прерывался. Я никогда не видел его в таком смятенном состоянии на конференциях, в лекционных аудиториях или за дружеской беседой. Было очевидно, что для Георгия Людвиговича переводческие занятия были гораздо важнее научно-филологических или преподавательских. Он боялся, что русскоязычная публика не примет или раскритикует его творение. К счастью, перевод был, действительно, конгениальным, и мы, к его радости и успокоению, дружно зааплодировали, едва он прочел завершающую строфу:

You’re better than No-thing.
That is, you’re nearer,
More reachable, and clearer,
Yet you’re akin
To nothingness—
Like it, you’re wholly empty.
And if, in your life’s venture,
No-thing takes flesh,
That flesh will die.
Yet while you live you offer
A frail and shifting buffer,
Dividing it from me.

Личная жизнь Георгия Людвиговича была сильно омрачена болезнью его младшей дочери, Банни. В семнадцать лет у Банни случился инсульт — ее почти полностью парализовало. Врачи Пенсильванского университета, лечившие ее, так и не смогли распознать причину болезни. С течением времени к Банни вернулась способность двигать руками и туловищем, а также с трудом разговаривать, но она на всю жизнь осталась инвалидом, прикованным к коляске и требующем постоянного ухода. Жила Банни с родителями, которые прилагали все усилия, чтобы дочь развивалась. Она смогла закончить университет, а потом получить и магистерскую степень, но все равно часто страдала от затяжных

приступов депрессии и пассивности. Когда заходила речь о Банни, на глаза Кляйна наворачивались слезы.

Я познакомился с ней, когда мы приходили домой к Георгию Людвиговичу, чтобы помочь ему разбирать библиотеку и паковать книги. Кляйн и его жена Вирджиния решили продать дом и переехать в штат Южная Каролина, где жила их старшая дочь. Делали они это, конечно, ради Банни, потому что не знали, сколько им отпущено лет, и как долго смогут они ей помогать.

Кляйнам в то время было уже за восемьдесят, но Георгий Людвигович по-прежнему находился в прекрасной физической форме. Библиотека у него была огромная, и разбирали мы ее несколько дней втроем — Георгий Людвигович, моя супруга и я. Кляйн был благодарен нам за помощь, но сам он не выглядел очень уставшим, хотя им с Вирджинией предстоял переезд всей семьей в другой штат.

Те дни были последними, когда мы виделись с Кляйнами. После их отъезда из Филадельфии мы общались по телефону и по электронной почте. Георгий Людвигович к девяноста годам освоил компьютер и продолжал вести обширную переписку, а также публиковать статьи по русской мысли в американских и — изредка — русских журналах. Здоровье у Георгия Людвиговича по-прежнему было отменное — он сообщал мне по телефону, что ежедневно плавает в бассейне!

Раз в году мы получали от Кляйнов традиционное рождественское послание, отпечатанное на зеленом листке бумаги. У американцев это принято, поскольку семьи разбросаны по разным штатам, и общение между родственниками и друзьями сведено до минимума. Из ежегодного письма-отчета мы узнавали о семейных новостях Кляйнов, об их «медицинских приключениях», о трудах и планах Георгия Людвиговича. Из этих писем я также узнал, что с 1960 г. Кляйны были прихожанами одной, имеющей историческое значение, протестантской церкви в центре Филадельфии, пока в конце девяностых годов они не перевели свое членство в Унитарную церковь, в которую им было легче возить Банни на инвалидном кресле.

Последний раз я общался с Георгием Людвиговичем по телефону, за полгода до его смерти. Он был, как всегда, бодр, продолжал работать и расспрашивал меня о моей жизни и делах. Как потом рассказала мне его старшая дочь, первой умерла Вирджиния, а после жены, пережив ее на несколько месяцев, скончался и Кляйн.

Сказать, что вовсе нет
Тебя? Но что же
В руке моей так схоже
С тобой? И цвет –
Не плод небытия.
По чьей подсказке
И так кладутся краски?
Навряд ли я,
Бормочущий комок
Слов, чуждых цвету,
Вообразить бы эту
Палитру смог.

Девяносто четыре года – почтенный возраст по любым меркам, и жизнь у Георгия Людвиговича была интеллектуально-насыщенная, посвященная поиску истины. Удивительный и светлый был человек – вечная ему память!